

В. А. Фатеев

**«...В СТРАХОВЕ Я ВИЖУ МИНИАТЮРУ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»:
ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ОБ ОТНОШЕНИЯХ
Н. Н. СТРАХОВА И Вл. С. СОЛОВЬЕВА**

Попав несколько лет назад на одну из многочисленных конференций по Соловьеву, я не увидел в программе ни одной темы, относящейся к Страхову, и практически ни разу не услышал там его имени. Это поразило меня до глубины души. Что, разве спор между Соловьевым и Страховым уже не актуален, не имеет никакого смысла, кроме исторического? Проблема западничества и славянофильства уже окончательно решена? Или сам Страхов, поверженный (будто бы) «пророком и визионером» от философии, так уж ничтожен как мыслитель? Но сколько же статей, сколько усилий и времени потратил «великий» Соловьев, чтобы поставить на место этого упрямого защитника «брюшного патриотизма» — уже само по себе это разве не тема?

Я подумал тогда в оправдание любителей Соловьева: нет, конечно, эта полемика, по существу, — и не высокое «любомудрие» вовсе, а предельно конкретный, даже скучноватый в его затянутости, чисто идейный, почти политический спор, а публицистика, как известно, для любомудра — дело второстепенное. Для представителей академических кафедр, конечно, порассуждать, пусть даже перепевая на разные лады в сотый, если не тысячный, раз известные и возвышенные, хотя и туманные идеи «всеединства» и Софии, интереснее — вот это настоящая философия.

Но потом я понял, что проблема в другом: творчество Страхова, который фактически не переиздан, просто незнакомо даже профессиональным философам, не говоря уже о массовом читателе. Многие из упоенно занимающихся Соловьевым почти не знают Страхова и, кроме самых общих мест, никогда не снисходили до изучения существа спора с ним «первого русского философа» — тут, мол, все просто: Соловьев защищал русскую мысль от национализма.

Полемика Соловьева и Страхова *в общих чертах* широко известна — главным образом, конечно, в ее трактовке несравненно более популярным создателем теории «всеединства», чьи полемические статьи, составившие два выпуска книги «Национальный вопрос в России», в начале «перестройки» были переизданы огромным тиражом¹. Но и страховская позиция отражена вполне адекватно, в первую очередь,

---

¹ Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. Прил. к журналу «Вопросы философии». — М., 1989 (далее: Соловьев В. С. Сочинения).

в книге «Литературные изгнанники»² В. В. Розанова и в других его сочинениях. Гораздо хуже освещены в современной печати конкретные детали личных взаимоотношений Соловьева и Страхова. По их ожесточенной печатной полемике можно подумать, что они всегда находились на непримиримо враждебных позициях. Однако это совсем не так.

Чтобы разобраться в существе этого далеко не устаревшего спора, необходимо знать и сопутствовавшие ему обстоятельства. Прежде всего следует отметить, что Страхов апологетом «зоологического патриотизма», радикалом от охранительства, как может представляться недостаточно осведомленным читателям, вовсе не был. Он был типичным представителем патриотизма *просвещенного*, бережно воспринимал возвышенные заветы свободолюбивого славянофильства и неуклонно отстаивал эту свою позицию. Да и уже хотя бы тот факт, что почтенный критик и философ ходил в близких друзьях все более впадавшего тогда в еретичество Льва Толстого (хотя «толстовцем» Страхов, опять же, никогда не был), говорит о том, что считать его «миниатюрой» консервативной России, как это пытался, нападая на Страхова, представить Соловьев, было большой натяжкой.

Во времена этой полемики Соловьеву было достаточно намекнуть на «реакционность» взглядов Данилевского и Страхова, чтобы снискать восторженное понимание либеральной читательской публики. Сейчас времена иные. Наше интеллектуальное общество разделено и в значительной степени поляризовано. У части мыслящего общества консерватизм ныне в большой моде, но отнюдь не в той умеренно-патриотической форме, каким его исповедовал Страхов. Его чаще порицают теперь за либерализм и преклонение перед Толстым, чем за «обскурантизм». У Страхова сегодня несравненно меньше сторонников, нежели, скажем, у сумрачного апологета «византизма» Леонтьева или того же Данилевского, «акции» которого поднялись настолько, что его иногда считают теперь чуть ли не учителем Страхова. И едва ли не первым, кто уколол Страхова, называя Данилевского «его учителем», был Соловьев³, а уж он-то как никто знал, что Страхов, по меньшей мере столь же образованный и глубокий, ни в коем случае учеником Данилевского не был.

Творчество не ведавшего сомнений, «твердого и ясного как кристалл»⁴, систематичного до схематизма историософа Данилевского, публициста и почти политика по своей сути, резко отличается от сочинений утонченного, вдумчивого Страхова, мысль которого, по замечанию В. В. Розанова, «влечется к темным и неясным сторонам» природы, истории и общественной жизни. Розанов убедительно показал, что чрезвычайно сложные и тонкие по мысли труды Страхова по своему характеру «совершенно противоположны»⁵ величественным, но грубым чертам историософского здания Данилевского, облекшего в твердую «скорлупу» доктрины не во всем последовательные романтические мечтания славянофилов. Однако как раз из-за того, что по натуре сам Страхов был совсем иной, смелая защита им уязвляемого всеми либералами (и действительно, кажется, уязвимого) Данилевского характеризует его прежде всего как настоящего бойца и верного друга.

Можно допустить, что сами по себе общие положения Соловьева о нравственной ущербности национального эгоизма вполне справедливы. Несомненно, что обо-

---

² Розанов В. В. Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев.— М., 2001.

³ Соловьев В. С. Сочинения.— М., 1989.— Т. 1.— С. 533, 539.

⁴ Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе.— Кн. 2. Изд. 2-е.— СПб., 1890.— С. 297.

⁵ Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского.— М., 1996.— С. 210.

стренные национальные чувства, без смягчающего влияния христианской морали, действительно способны породить опасные явления. И Соловьев все обличал Данилевского в национализме, «варварском макиавеллизме» и т. п. Страхов же утверждал, что «общий смысл наставлений Данилевского — дружелюбный» и что он показал себя в книге «истинно христианским писателем»⁶, хотя, может быть, не слишком убедительно мотивировал это. Кстати, Страховым справедливо отмечалось, что Данилевский доказывает только, «что *Европа* нам враждебна, но ему и мысль не приходит сказать <...> что и мы должны *быть враждебны Европе*»⁷.

В апелляции ко «вселенской» религии и «единому человечеству» Соловьев отказывался признать самоценность отдельных, национальных культур. Но совершенно очевидно, что чем индивидуальнее, разнообразнее эти культуры, тем богаче мировая культурная «сокровищница», вбирающая эти достижения не в обезличенном виде, а в их конкретно-исторической, национальной форме. Сейчас, в эпоху глобализма, когда устрашающими темпами идет нивелирование национального своеобразия, особенно остро воспринимается сомнительность соловьевской пропаганды «вселенских» начал в культуре и религии.

Выступая против национального эгоизма, Соловьев апеллирует к христианскому нравственному идеалу и противопоставляет национализму понятие «народности». Однако и исповедовавших «народность» ранних славянофилов он в конце концов называет «родоначальниками национализма». И создается впечатление, что этот жупел «повального национализма» выставлен им только в тактических целях, — на самом деле борьба ведется против национальных начал вообще и против православия, т. е. против «русскости». Не случайно Соловьев вознамерился бранить книгу «Россия и Европа» не когда она вышла в свет, а после сокрушительной критики Данилевским тяготения Соловьева к католицизму и папизму в статье «Владимир Соловьев о православии и католицизме»⁸. Данилевский с твердостью, присущей ему творческой манере, показал, что Соловьев принял «явно и открыто сторону римского католицизма»⁹.

Соловьеву полемизировать в православной России было, конечно, трудно. Не имея возможности открыто критиковать восточную «схизму», он избрал сомнительный путь перенесения своих обвинений на конкретное сочинение, которое ныне по заслугам признано выдающимся произведением русской историософской мысли. Поэтому апелляция Соловьева в своей критике «России и Европы» к религиозно-нравственным началам представляется несколько искусственной.

* * *

Страхов, выступив на защиту книги Данилевского, в силу созерцательности своей природы вовсе не был расположен пускаться в подобные дискуссии, тем более что они отвлекали от собственных тем. Но вступить за близкого друга, создателя теории культурно-исторических типов, было для Страхова просто делом чести. Страхов

⁶ Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе.— СПб., 1896.— Кн. 3.— С. 189, 191.

⁷ Там же. С. 192.

⁸ Данилевский Н. Владимир Соловьев о православии и католицизме // Известия С.-Петербургского Славянского Благотворительного общества.— 1885. Март.

⁹ Данилевский Николай. Горе победителям.— М., 1998.— С. 337.

заведомо обрекал себя на бесславную роль в споре со столь блестящим полемистом и чрезвычайно одаренным философом, на стороне которого к тому же была почти вся печать и общественное мнение. Соловьеву, самонадеянно присвоившему себе миссию низвержения книги, которая, по его мнению, стала «кораном всех мерзавцев и глупцов, хотящих погубить Россию и уготовить путь грядущему антихристу»¹⁰, была совершенно непонятна, как он пишет, «слабость» Страхова к этому сочинению. Но Страхов, меньше всего думавший в данном случае о собственных интересах, вышел из этого будто бы проигранного спора с ореолом исключительного благородства. Он отстаивал идеи Данилевского как свои собственные — до оговорок ли о своих расхождениях с покойным другом было в пылу борьбы скромному кабинетному затворнику? Мог ли он пускаться в разъяснения *о себе*, о различиях в воззрениях с Данилевским, человеком очень близким, но совершенно не признававшим умозрения, когда пытались осквернить его память, тем более что в воинствующей антинациональной позиции Соловьева Страхову (и далеко не ему одному) также виделось веянье «духа Антихриста», угроза «погубить Россию»! Соловьев же от критики Данилевского и осуждения безнравственной «мании национализма» как «господствующего заблуждения наших дней»¹¹ постепенно дошел до абсурдных обвинений самого Страхова в «восточной болезни» с использованием расхожих жупелов либерализма: «равнодушие к истине и презрение к человеческому достоинству, к существенным правам человеческой личности»...¹²

Призывы Соловьева к истине и нравственности примечательны по своему поразительному несоответствию существу дела. Парадокс ситуации в том, что Соловьев действительно вел себя в этом споре как *публицист*, если не сказать, как *спортсмен* (сам Страхов видит в нем «актера, чем-то одурманенного»¹³) — он не столько *доказывал* истину, опираясь на научные факты, сколько стремился фейерверком эффектных для читательской публики ходов, которые ему счастливо подкидывала щедро одаренная творческая натура, непременно взять верх, одолеть соперника. Главным оружием у него был уже отработанный в либерально-нигилистической литературе и безотказно действовавший прием намеков на ретроградность оппонента, дополнительным — стремление во что бы то ни стало доказать неоригинальность, заимствованный характер идей Данилевского.

Поведение Страхова было совершенно иным. Как настоящий *мыслитель*, он с присущей ему добросовестной основательностью ученого подбирал факты, строил логические доказательства, рассчитывая не на сиюминутный успех, а на доводы разума и торжество истины. Недостатком Страхова было то, что в своих спорах он слишком часто опирался на цитаты, а это, конечно, утяжеляло его аргументацию. В научном сообществе такой стиль ведения дискуссии общепринят, но при «летучей» журнальной полемике, где на кону стоят идейные интересы, тяжеловесные доказательства существа дела заведомо обречены. Однако в исторической перспективе подобная реально обоснованная позиция имеет несравненно более прочные основания для успеха.

Поэтому ответ на вопрос о победителе в этом споре далеко не очевиден, и ход полемики, в которой внешне верх за явным преимуществом взял Соловьев, нуждается в более тщательном анализе. Соловьев как полемист не слишком симпатичен именно своим пророчески-инквизиторским тоном, уклонением от прямого поединка реальных

---

¹⁰ Письма Владимира Сергеевича Соловьева. — СПб., 1908. — Т. 1. — С. 60.

¹¹ Соловьев В. С. О грехах и болезнях // Соловьев В. С. Сочинения. Т. 1. С. 516.

¹² Там же. С. 530.

¹³ Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов. Переписка. Т. 2. С. 773.

аргументов. Поведение же более сдержанного в своих суждениях и, может быть, более скромного в своих дарованиях Страхова было самоотверженным и мужественным. Хорошо сказал об этой стороне спора В. В. Розанов: «Страхов не был гений. Но он вот как “комендант Белогорской крепости” (“Капитанская дочка”): тоже стоял верно и честно на страже той науки, философии, литературы, какую знал и какая была... Что он был “не гений” — до этого было мало дела Соловьеву, это было “тем лучше” для него. Но его голубиная чистота в небольшом деле измучила “великого публициста” и мирового философа...»¹⁴

* * *

Для понимания психологического «подтекста» этого важнейшего для русской философии спора необходимо, однако, проследить, хотя бы кратко, *личные* отношения двух этих мыслителей, начавшиеся в 1873 г. В русской философии ярких личностей в то время (да и всегда) было не слишком много, и когда появился Соловьев — несомненный молодой талант (философу было всего 20 лет), явный идеалист и критик западного рационализма, — Страхов сразу выделил его из общей массы, отметив у него задатки гения. Да и как было не выделить, если заявленная им тема магистерской диссертации — «Кризис западной философии. Против позитивистов» — почти страховская: она перекликалась со многими положениями славянофилов и сочинений Страхова, вошедших позже в его сборники «Борьба с Западом в нашей литературе».

Не удивительно, что 24 ноября 1874 г. Страхов присутствовал в Санкт-Петербургском университете на диспуте при защите юным московским дарованием магистерского звания и опубликовал о нем в двух столицах небольшие статьи — в петербургском «Гражданине» и в «Московских ведомостях»¹⁵, написанные с симпатией к «диспутанту» и, конечно, со знанием дела.

С этих пор и Страхов, и Соловьев не могли, конечно, не обращать друг на друга пристального внимания. Страхов очень надеялся тогда, что изрядно обедневший славянофильски-почвеннический лагерь получит в лице Соловьева не просто достойное подкрепление, а исключительно яркую философскую индивидуальность. В переписке Страхова с Толстым тут и там мелькает обмен мнениями о прочитанных сочинениях Соловьева, о его характере и опасения за его болезненную внешность.

На тему книги Соловьева Страхов написал статью «Гартман и Шопенгауэр» (1875). Он с одобрением воспринял критику Соловьевым западноевропейского рационализма и отметил в его сочинении наметившийся «высший синтез философского познания и религиозной веры»¹⁶, который молодой философ, понятно, намеревался осуществить сам.

Страхов пристально и не без менторской строгости следил за развитием деятельности молодого философа. Почти с самого начала далеко не все устраивало его в философских сочинениях Соловьева. Об этом свидетельствует, в частности, его замечания о книге Соловьева «Кризис западной философии». Прошедший школу Гегеля Страхов

---

¹⁴ Розанов В. В. Литературные изгнанники. С. 110.

¹⁵ Страхов Н. Философский диспут 24 ноября // Гражданин. — 1874. — № 48. 2 дек. — С. 1211–1212; то же: Страхов Н. Философские очерки. — Киев. 1902. — С. 346–349. Еще о диспуте Вл. С. Соловьева // Московские ведомости. — 1874. — № 308. 9 дек. Подп.: Н. С.

¹⁶ Страхов Н. Н. Философские очерки. — Киев, 1906. — С. 339.

обнаруживает в «синтетизме» Соловьева скрытое влияние завершителя немецкого классического идеализма: «...хоть он явно и отрицается от Гегеля, но втайне ему следует. Вся критика Шопенгауэра основана на этом». Страхова это, конечно, не слишком пугает — он и сам по-прежнему опирается на гегелевский диалектический метод. Плохо другое — Страхов ощущает сильнейший уклон Соловьева к мистицизму дурного толка: «Но дело, кажется, еще хуже. Обрадовавшись, что нашел метафизическую сущность, Соловьев уже готов видеть ее повсюду лицом к лицу и расположен к вере в спиритизм. Притом он так болезнен, так будто истощен — за него можно очень опасаться, — не добром не кончит. А книжка его, чем больше читаю, тем более мне кажется мне талантливою. Какое мастерство в языке, какая связь и сила! Непременно напишу об ней»¹⁷.

5 апреля 1877 г. Страхов пишет Толстому: «Вчера, т. е. 4-го, приходил ко мне Вл. Соловьев, и, кажется, мы заведем с ним дружбу»¹⁸. Публичная библиотека, где работает в это время Страхов, способствует сближению. Через две недели он продолжает ту же тему: «С Вл. Соловьевым мы видаемся, чуть не каждый день в библиотеке, и я надеюсь, что мы очень сойдемся. Он, действительно, *хороший*, как вы пишете, но я так медленно понимаю людей»¹⁹. А 18 мая он заключает: «С Вл. Соловьевым я наконец подружился и надеюсь, что прочно. Он очень мил, и кажется я ему понравился»²⁰.

Из писем Соловьева к Страхову (ответные, к сожалению, утрачены), видно, насколько тесными более десяти лет были их отношения. Соловьев не стеснялся в эти годы обременять холостяка Страхова (подобно, кстати, Толстому и Достоевскому, да и прочим друзьям и приятелям) самыми разными поручениями: «получить», «переслать», «взять в Департаменте мое жалованье» и т. п., как это принято между друзьями. В одном из недатированных писем, точнее записок, Соловьев благодарит Страхова за квартиру — он останавливался там в отсутствие хозяина, находившегося за границей²¹. Любопытно, что Соловьев нашел в квартире один «недостаток»: «...жил в ней прекрасно, только большое искушение от многокнижия — в нем же нет спасения».

В первом же письме, относящемся, видимо, к 1877 г., Соловьев сообщает, что дал адрес Страхова для доставки своих книг и, извиняясь за «злоупотребление», признается в теплых к нему чувствах: «Простите, что так вами злоупотребляю, но в Петербурге вы для меня самый интимный человек, и я на Вас смотрю как на родного дядюшку»²². А в 1883 г. Соловьев прямо объясняется Страхову в любви: «Я Вас очень люблю и мне всегда бывает очень хорошо с вами»²³.

Д. И. Стахеев, 18 лет деливший со Страховым квартиру у Театральной площади, описывает посещения Соловьевым холостяцкого жилища Страхова «в месяц раз или два», отмечая, что «он иногда, посетив нашу квартиру, вместо беседы, погружался в чтение подвернувшейся под руку книги и погружался, бывало, настолько глубоко, что даже не слышал обращенных к нему вопросов»²⁴. И. Е. Репин пишет о Страхове

---

¹⁷ Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов. Переписка. Т. 1. С. 189–190.

¹⁸ Там же. С. 325.

¹⁹ Там же. С. 329.

²⁰ Там же. С. 335.

²¹ Письма В. С. Соловьева. Т. I. С. 7.

²² Там же. С. 1.

²³ Там же. С. 15.

²⁴ Стахеев Д. И. Группы и портреты. (Листочки воспоминаний) // Исторический вестник. — 1907. — № 1. — С. 88–89.

в воспоминаниях: «Я познакомился с ним через Толстых и потому полюбил всецело простоту его ясных больших глаз, и доброе, всегда бодрое настроение, писал с него портрет и удостоился посещать его уютные вечера, на которые очень большою приманкою был В. С. Соловьев. Он также любил Н. Н. Страхова и имел к нему сердечное влечение; в беседах о литературе и науке они тепло сближались, имея много общих вопросов <...> И Владимир Сергеевич чувствовал себя, как дома»²⁵.

Страхов опекает Соловьева по праву опыта и старшинства, оценивает его сочинения, посещает его лекции. Его беспокоит нарастание сомнительных мистических тенденций в творчестве Соловьева. 15 марта 1878 г., после очередной соловьевской лекции, где шла речь о Софии, он отмечает в письме к Толстому уклон философа в гностицизм и характеризующее его тяготение к слиянию разнородных духовных элементов: «Учение о *софии* по справкам оказалось гностическим, так же как и о божественном Христе, отличном от человека Иисуса. Но я слишком мало знаю, чтобы говорить об этом, да и лекции Соловьева представляют амальгаму уже существующих учений, — вернее, существовавших. Он *a priori* выводит то, что узнал *a posteriori*»²⁶.

Ближе к концу лекций усиливаются негативные впечатления Страхова: «Соловьева осталось дослушать только две лекции. Мне приходит в голову, что это об мертвом предмете мертвым языком говорит мертвый человек. Такой холод! Из немецкого идеализма он взял все приемы и все недостатки — общие формулы, решение дела нахрапом, отвлеченность. Между тем, немецкий идеализм отжил, и вот является в подобных воскрешениях, как Шопенгауэр в виде Гартмана»²⁷.

9 апреля 1878 г., после последней лекции Соловьева, Страхов делает окончательный вывод об эклектизме и пантеизме воззрений философа: «Эта лекция была очень эффектна. С большим жаром он сказал несколько слов против *гнусного* догмата о вечных мучениях. Конечно, готов был проповедывать многие другие ереси, но очевидно не смел, и выбрал этот догмат для того, чтобы вполне ясно высказаться. Соображая теперь все его лекции, я вижу, что он хотел произвести *синтез востока и запада*, слить в одну систему атомизм, дарвинизм, пантеизм, христианство и т. д. Дать всему свое место — задача хоть куда, но, во-первых, она не исполнена, а, во вторых, не видишь и тени того оригинального приема, который бы давал надежду, что ее можно исполнить. <...> Выходит пантеизм совершенно похожий на гегелевский, только с вторым пришествием впереди. Каббала, гностицизм и мистицизм — внесли тут свою долю»²⁸. Таким образом, пантеизм, который к этому времени преодолел сам Страхов, он обнаруживает в иной форме во взглядах Соловьева.

Но несмотря на скептическую оценку теургических фантазий Соловьева, страховские впечатления были отрицательными далеко не всегда. Так, о выступлении Соловьева в университете в ноябре 1880 г. он пишет: «И вчерашняя лекция была блистательна»²⁹. Редкая одаренность молодого философа и общая идеалистическая направленность его взглядов делают его одним из самых интересных современников для Страхова.

---

²⁵ Репин И. Е. Случайные впечатления от Владимира Сергеевича Соловьева // РГБ. Записки отдела рукописей. — М. 2004. — Вып. 52. — С. 161.

²⁶ Там же. С. 414.

²⁷ Там же. С. 419.

²⁸ Там же. С. 425–426.

²⁹ Там же. Т. 2. С. 684.

В эти годы многое сближало их. Оба принадлежали к избранному философскому кругу, которым в 1879 г. было принято решение об образовании Философского общества. В 1877–1881 гг. Страхов и Соловьев вместе состояли в Петербурге членами Ученого комитета и встречались на заседаниях. У них был большой круг общих знакомых, включавший Толстого, Грота, Фета. В 1880 г. они вместе побывали в Пустыньке под Петербургом у вдовы поэта С. А. Толстой. Страхов с Соловьевым настолько сблизились и так часто встречались у Страхова, что несколько раз писали Фету совместные письма — Соловьев делал свои приписки своим размашистым почерком к аккуратным письмам Страхова.

6 апреля 1880 г. Страхов присутствовал на защите Соловьевым докторской диссертации «Критика отвлеченных начал»: «Через неделю, вчера, совершилось наконец великое торжество — был диспут Вл. Соловьева на доктора философии. Сам он был великолепен; так спокоен, прост, так мастерски говорил. К несчастью, сильных возражений не было...»³⁰

В начале 1880-х гг. Соловьев и Страхов «встретились» на страницах аксаковской «Руси». Это было время их интенсивного общения. В 1881 г. Соловьев с интересом прочел в «Руси» страховские письма о нигилизме; в 1883 г., после выхода «Борьбы с Западом в нашей литературе» (Кн. 2), выражает благодарность за «прекрасную книжку»³¹; выделив статью о Дарвине, нахваливает статью о Тургеневе и о «Вечерних огнях» Фета, да и вообще «с большим удовольствием» читает все, что выходит из-под пера Страхова. Никакого «брюшного патриотизма» в сочинениях Страхова Соловьев тогда не обнаруживал. В одном из писем он назвал даже Страхова «первейшим литературным критиком»³².

Но подспудные расхождения становились все более заметными. В 1881 г., после убийства царя, Соловьев произнес свою знаменитую речь о смертной казни, в конце которой убеждал, что царю, в силу высшей правды, следует простить убийц. Присутствовавший на лекции Страхов, найдя ее холодной, отозвался о ней отрицательно. Дело было прежде всего в *тональности*: одновременно Страхов обнаружил в письме Толстого к царю на аналогичную тему «столько чувства и горячего желания добра», что согласился ходатайствовать о передаче письма императору.

5 ноября 1882 г. Страхов не без сожаления писал Данилевскому о Соловьеве по поводу его гегельянского «примирительства» и мистицизма с оттенком гностической ереси: «Бесподобные силы, хорошая натура; но я все думаю, что он идет ложным путем. Он все примиряет и все объясняет. Я уже говорил ему, что это дело старое, что так делал Гегель <...> и что известно, куда это ведет. В сущности его писания (то есть Соловьева) еретические; для меня это ничего, но для него очень дурно, потому что он не хочет быть еретиком. Мир Божественный для нас есть тайна, вот настоящее православное учение. Часть этой тайны нам открыта, и мы поэтому знаем, что своим умом никогда не могли бы знать. А он все это хочет разгадать и привести в систему»³³.

Ту же тему он развивал в 1884 году в письме к И. С. Аксакову, подвергая критике тяготение философа к отвлеченным теософским схемам: «Соловьев называет

---

³⁰ Л. Н. Толстой и С. А. Толстая. Переписка с Н. Н. Страховым. С. 150.

³¹ Письма В. С. Соловьева. Т. I. С. 15.

³² Там же. С. 21.

³³ Русский вестник.— 1901. Февраль.— С. 460–461.

себя мистиком; но он не мистик, а теософ. Он предается всяким построениям божественного мира и судеб человечества. По-моему, это радость обманчивая, хотя и очень увлекательная»³⁴. При этом, однако, Страхов заявляет: «Соловьев мне очень дорог, потому что разъяснил мне понятие Церкви. Он один настоящий церковник, т. е. не только утверждает, что вне церкви нельзя спастись, но и ясно понимает, почему это так».

Верный дружбе, Страхов долгое время был еще достаточно терпим к Соловьеву и после ставшего очевидным тяготения его к католицизму. Он продолжал помещать статьи Соловьева в «Известиях С.-Петербургского Славянского благотворительного общества», где состоял редактором, даже после ссоры философа со славянофилами и ухода из аксаковской «Руси», хотя И. С. Аксаков был в эти годы один из духовно наиболее близких Страхову людей. Впрочем, и сам Аксаков все еще благоволил к закусившему удила Соловьеву — он был готов публиковать его статьи, но «только без известной тенденции, не о Риме, который он почитает быть вечным, не о феократии...»³⁵. Именно Страхов опубликовал ряд важных полемических статей Соловьева. Со взглядами Соловьева Страхов согласен не был, и поэтому сопровождал его публикации, в которых уже явно звучали прокатолические симпатии, обширными замечаниями от редакции, собственными или А. А. Киреева. Страхов объяснял свою редакторскую позицию тем, что вопрос о католичестве подлежит не замалчиванию, а обсуждению: «Мы дали место статье г. Соловьева уже и потому, что она, во всяком случае, принадлежит к числу статей, расширяющих кругозор, приучающих читателей к важному вопросу, разрывающих заколдованный круг молчания. Католичество жестоко ославило себя; мы справедливо его чуждаемся. Но неужели до такой степени, что не можем уж и рассуждать спокойно?»³⁶.

Однако проявленная Страховым широта взглядов была воспринята более ортодоксально настроенными членами Совета Славянского общества как редакторский «либерализм» и решительно пресечена. Соловьев в 1885 г. сообщал брату, что Страхов был вынужден покинуть редакторское место за помещение его статьи: «Страхов приехал: его выгнали из редакторов “Слав. Извест.” за мой ответ Д<анилевско>му. Ламанский об’явил ему: или вы выходите из редакторов, или мы все выйдем из Совета общества»³⁷. Итак, Страхов даже пострадал из-за сочувствия Соловьеву (вернее, конечно, из-за широты своих взглядов). Подобной широты или даже терпимости со стороны Соловьева во время их приближающейся «сшибки» мы не увидим.

Нарастающее увлечение Соловьева католичеством пока не препятствует их дружескому общению, хотя Страхову оно, конечно, очень не нравится. 2 января 1885 г. Страхов пишет Фету: «Сегодня зашел Соловьев, бодрый, веселый, так что я порадовался. Впрочем, он сидит рядом со мною каждый день в Библиотеке — что мне очень приятно. Читает он акты Вселенских соборов, к нему часто заходит католик Гезен — и все это мне представляется чем-то опасным. — Часто вспоминаем и об Вас, и читаем друг другу Ваши письма»³⁸. О встречах с Соловьевым в библиотеке писал он также С. А. Толстой и Н. Я. Данилевскому.

³⁴ И. С. Аксаков — Н. Н. Страхов. Переписка. — М.; Оттава. 2007. — С. 120.

³⁵ Там же. С. 145.

³⁶ Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного общества. — 1884. Март. — С. 27.

³⁷ Письма В. С. Соловьева. Т. IV. С. 104.

³⁸ ОР ИРЛИ. П. III. Оп. I. № 2072. Л. 54 б.

Но разногласия во взглядах, существовавшие всегда, доходят, наконец, и до открытой полемики. Серьезная размолвка произошла между философами в начале 1887 г. из-за книги Страхова «О вечных истинах. (Мой спор о спиритизме)». Страхов доказывал невозможность явлений медиумизма, так как они противоречат законам механической физики и математики, действующим в пределах природы. Спиритические духи не могут отменить непреложных физических истин. Дух ошибочно представляется спиритам «в виде тонко-материального, но одушевленного существа»³⁹ и сам спиритизм есть «грубейшее овеществление духовных явлений». Соловьев, однако, посчитал что рационалистическая аргументация Страхова не выдерживает критики, так как отвергает возможность религиозного чуда и обвинил его в... механистическом материализме: «Ваша аргументация имеет силу против всяких чудес... т. е. против религии. Религии без ангелов и чертей не бывает»⁴⁰. Страхов за это очень обиделся: Соловьев, прекрасно знавший его идеалистические взгляды, выставил его адептом вульгарного механистического материализма, не вникая в суть его философского обоснования антиспиритизма. Внешне аргументация Соловьева по поводу христианских чудес выглядит весьма убедительной, но подлинная причина такого демонстративного непонимания крылась в том, что сам Соловьев, увлекавшийся, как известно, в молодости, спиритизмом, имел слабость к оккультной практике вполне материалистического «ощупывания» запредельного.

В 1887 г., окончательно обосновавшись в западническом либеральном «Вестнике Европы» М. М. Стасюлевича, Соловьев к концу года начинает против своего «друга» идейную «войну». Готовя нападение на Данилевского, сочинения которого издавал Страхов, он, конечно, понимал, что затевает, но почему-то надеялся при этом сохранять прежние добрые отношения. Стасюлевичу он пишет: «Приятель мой Страхов готовит 4-е издание “России и Европы” Данилевского. Мой взгляд на это сочинение диаметрально противоположен взгляду Страхова, и я готовлю обстоятельный разбор “России и Европы”, с присоединением некоторых замечаний и о “Дарвинизме”, того же автора. Я хотел было назвать свою статью “Философия пустых претензий”, но из уважения к памяти Данилевского, который в других отношениях был почтенный и разумный человек, перемену заглавие. Когда этот разбор будет готов, пришлю его Вам...»⁴¹ Чтобы не портить отношений, Соловьев намеревается послать Страхову корректуру для устранения самых резких высказываний и сообщает ему об этом, однако потом, по решению Стасюлевича, отказывается от этого намерения. В феврале выходит в свет статья «Россия и Европа», положив начало спора. Страхов отвечает в июне большой статьей «Наша культура и всемирное единство».

Несмотря на явные идейные разногласия, Соловьев продолжал посещать Страхова и даже озадачивать по старой привычке поручениями. Так, в октябре 1888 года Соловьев посылает ему для раздачи общим знакомым экземпляры своей неприемлемой для Страхова по содержанию брошюры «L'Idée russe» и только потом спохватывается о своей бесцеремонности и просит передать брошюру Стасюлевичу.

³⁹ Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе.— СПб., 1890.— Кн. 2. Изд. 2-е.— С. 290

⁴⁰ Розанов В. В. Около народной души.— М., 2002.— С. 387.

⁴¹ Письма В. С. Соловьева. Т. IV. С. 32.

А вскоре Соловьев из Загреба поясняет Стасюлевичу, почему он намерен «изобличать восточные грехи» Страхова: «...я нашел в одном журнале известие об ответе Страхова на мою “Россию и Европу”. Это меня очень интересует, а отчасти и Вас касается, ибо за невозможностью писать прямо о грехах России, я мог бы написать у Вас о грехах Страхова, что в сущности все равно, так как в Страхове я вижу миниатюру современной России»⁴². Аргументация выступления против Страхова та же, что и против Данилевского: «...в последнее время и в известных кругах Страхов стал пользоваться чуть ли не авторитетом, и изобличить его восточные грехи дело по моему не бесполезное, хотя и очень скучное»⁴³.

У Соловьева было очень своеобразное представление о дружбе и не менее странное чувство юмора. 16 декабря 1888 г. он высказывает брату Михаилу в присутствии ему полуплутовском тоне странные и самоуверенные предположения: «Например, Страхов, которого я люблю, но которого всегда считал свиньей порядочной (?! — В. Ф.), нисколько меня не озадачил своей последней мазуркой, и хотя я в печати поругал его как последнего мерзавца, но это нисколько не изменит наших интимно-дружеских и даже нежных отношений»⁴⁴.

Соловьев намеревался и дальше «дружить» со Страховым. А сам из Загреба писал брату Михаилу в 1888 г.: «...нашел между прочим 1) известие о какой-то статье старого кота Страхова против меня»⁴⁵. Напомню, однако, что помимо угасающей дружбы, на продолжение которой рассчитывает Соловьев, его критический пыл могло бы поумерить хотя бы то обстоятельство, что «старому коту» было уже 60, а ему в январе 1888 г. исполнилось лишь 35 и по возрасту он годился Страхову в сыновья. Розанов, между прочим, высказывал даже весьма правдоподобное предположение о психологической первооснове такого поведения Соловьева при разрыве: «Со Страховым он разошелся жестко, неуклюже: едва ли не от того он и разошелся с ним так неумело, что ранее состоял в застенчивом положении ученика»⁴⁶.

В конце 1888 г. Соловьев пишет Стасюлевичу из Загреба о замысле статьи, которая станет известной под названием «Славянофильство и его вырождение»: «...у меня есть в мысли еще другая статья — вполне цензурная: о распадении славянофильства. На мой взгляд, старое славянофильство было смешением нескольких разнородных элементов, и главным образом трех: византизма, либерализма и брюшного патриотизма <...> брюшной патриотизм, освобожденный от всякой идейной примеси, широко разлился по всем нашим низинам, а из писателей индивидуальных представителем его выступил мой друг Страхов, который головою всецело принадлежит “гнилому Западу” и лишь живот свой возлагает на алтарь отечества»⁴⁷. Таким образом, «приятель» или даже «друг» Страхов становится постепенно для Соловьева главным и чуть ли не единственным представителем враждебного ему «брюшного патриотизма».

Характерно, что не только Соловьев, но даже и Страхов, узнав об очередном полемических уколе оппонента, еще надеется на сохранение добрых отношений: «Отвечать едва ли нужно, и думаю, что эта полемика нас не поссорит навсегда»⁴⁸.

⁴² Там же. Т. IV. С. 39.

⁴³ Там же. С. 39–40.

⁴⁴ Там же. С. 118.

⁴⁵ Там же. С. 117.

⁴⁶ Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе.— М., 1996.— С. 476.

⁴⁷ Письма В. С. Соловьева. Т. IV. С. 40–41.

⁴⁸ Л. Н. Толстой и С. А. Толстая. Переписка с Н. Н. Страховым.— М.; Оттава, 2000.— С. 216.

Но когда-то такие странные отношения «дружбы-вражды» должны были закончиться. В августе 1890 г., когда Страхов возвращался с юга через Москву, состоялась их вполне дружеская встреча с Соловьевым и Цертелевым, и добродушный Страхов несколько растаял от теплого общения. В том году Страхов выпустил переиздание второго тома «Борьбы с Западом», включив в нее без купюр свои первые полемические статьи, и Соловьев, восприняв это как вызов, написал новую, крайне резкую статью «Мнимая борьба с Западом». Испытав шок от неожиданного нападения «друга», Страхов, естественно, посчитал статью коварным и неблагоприятным поступком. Оправдательное письмо Соловьева несколько запоздало: «Я хотел и не успел перед Вашим отъездом сказать Вам о своей полемической статье, которая на этих днях должна появиться (или уже появилась) в “Русской Мысли”, если только не вмешалась цензура. Хотя мне пришлось многое у вас одобрить, а за кое-что и горячо похвалить, но в общем, конечно, Вы будете недовольны. Что ж делать?»⁴⁹ По контрасту со смиренным началом письма особенно бросаются в глаза наивно-дерзкие строки: «В этом споре из-за “России и Европы” последнее слово во всяком случае должно остаться за мной — так написано на звездах».

Далее Соловьев излагает свое полемическое кредо: «Книга Данилевского всегда была для меня ungeniessbar⁵⁰, и во всяком случае ее прославление Вами и Бестужевым кажется мне непомерным и намеренным преувеличением. Но это, конечно, не причина для меня нападать на нее, и вы, может быть, помните, что в прежнее время и из дружбы к Вам даже похваливал мимоходом эту книгу,— разумеется, лишь в общих и неопределенных выражениях. Но вот эта невинная книга, составлявшая прежде лишь предмет непонятной слабости Николая Николаевича Страхова, а чрез то *бывшая и мне до некоторой степени любезною* (курсив мой.— В. Ф.),— вдруг становится специальным кораном всех мерзавцев и глупцов, желающих погубить Россию и уготовить путь грядущему антихристу. Когда в каком-нибудь лесу засел неприятель, то вопрос не в том, хорош или дурен этот лес, а в том, как бы его получше поджечь. <...> Вы смотрите на историю, как китаец-буддист, и для вас не имеет никакого смысла мой еврейски-христианский вопрос: *полезно или вредно данное умственное явление для богочеловеческого дела на земле в данную историческую минуту?*»⁵¹ Не удивительно, что после такой велеречивой декларации возмущенный до глубины души Страхов также не мог не принять на себя «обязанность» выступить на защиту дорогих ему идей, хотя продолжения спора ему очень не хотелось.

С. Франк в статье «Письма Вл. Соловьева» восторгается «историческим чутьем» Соловьева⁵², приводя эту же выразительную цитату, напоминающую замысел какой-то полицейской карательной операции, и не замечает очевидной пошлости этого типичного проявления нетерпимости воинствующего либерализма. Доводы о «полезности» и тем более о «богочеловеческом деле», приводимые Соловьевым, не слишком убедительны ни в научном, ни в нравственном отношении. Вообще-то, стремление к «выжиганию леса» из-за несогласия с «неприятелем» в духовной сфере во все времена считалось занятием антикультурным. Страхов не случайно писал: «Вопрос, как

---

⁴⁹ Письма В. С. Соловьева. Т. I. С. 59.

⁵⁰ неприемлемой, поганой (нем.).

⁵¹ Там же. С. 59–60.

⁵² Франк С. Л. Русское мировоззрение.— СПб., 1996.— С. 379–380.

видите, превосходный; Соловьев, как пророк, его решил, и, конечно, как инквизитор, сжег бы меня и все экземпляры *России и Европы*»⁵³.

К началу века в России в среде символистов сложился своеобразный культ «теурга» Владимира Соловьева. И молодой тогда Андрей Белый, с придыханием прослеживая «мистический путь» Соловьева «под знаком ему светивших зорь», освященный явлением таинственной музыки, вторит своему гуру, сохраняя «танатологическую» окраску его образности в полемике с Страховым: «Этот голос ему шептал: “Будь в Египте”. Но этот же голос шептал ему: “Полемизируй со Страховым, ибо Страхов — эмблема смерти”»⁵⁴.

Если вернуться к Страхову, то его возмутил даже не сам псевдо-«бог вдохновенный» тон объяснения Соловьевым своих антипатриотических эскапад, а то коварство, с каким был нанесен этот новый удар. «Хотел и не успел», как писал ему Соловьев — это, конечно, не оправдание: при личной встрече, когда за беседой была выпита даже бутылка вина, у Соловьева не нашлось времени (или силы духа) сообщить Страхову о печатающейся враждебной статье. Это был момент окончательного разрыва. Примечательно, что даже и тут Страхова, в отличие от оппонента в споре, особенно беспокоит не своя победа, а нравственная репутация оппонента: «Но дурень он, дурень. Что ж он сделает плохими журнальными статейками! Только себя осрамит! А между тем, он уже заранее торжествует в этом самом письме»⁵⁵.

Без ответа, конечно, Соловьев не остался. Начался новый виток полемики. Статья Страхова «Новая выходка против книги Данилевского» была не менее резка. В октябре 1890 г. Соловьев просит у Стасюлевича оставить место для своего ответа «помешавшемуся со злобы Страхову» и добавляет: «Вы меня очень обяжете, напечатавши у себя, так как оставить кажущуюся победу за моим другом-скорпионом было бы мне неудобно»⁵⁶. Соловьев всегда отличался экстравагантностью выражений, но «друг-скорпион» — это, пожалуй, слишком. Эту ответную статью, «Счастливые мысли Н. Н. Страхова»⁵⁷, Соловьев назвал в одном из писем в своем привычном стиле «зуботычиной Страхову»⁵⁸.

* * *

Признанный эрудит Страхов мимоходом упомянул в одной из полемических статей книгу Рюккерта как пример того, что и европейским ученым не чужда идея, развернутая Данилевским. Это был, конечно, тактический промах: в споре с таким «другом-скорпионом» Страхову следовало все время быть начеку. Не упомяни он о «зачатках мысли о типах» у Рюккерта — не нажил бы себе новых проблем. И вот Соловьев в декабре 1890 г. разразился статьей-открытием, статьей-разоблачением: «Немецкий подлинник и русский список». Оказывается, Данилевский ничего нового не придумал, а просто переложил на свой лад заимствованную у немецкого ученого теорию.

---

⁵³ Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов. Переписка. Т. 2. С. 836.

⁵⁴ Белый Андрей. Владимир Соловьев. Из воспоминаний // Белый Андрей. Арабески.— М., 1911.— С. 389–390.

⁵⁵ Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов. Переписка. Т. 2. С. 836.

⁵⁶ Письма В. С. Соловьева. Т. IV. С. 45–46.

⁵⁷ Вестник Европы.— 1890. Ноябрь.

⁵⁸ Письма В. С. Соловьева. Т. I. С. 105.

Вообще-то в России с обычным для нашей интеллигенции преклонением перед Западом всегда было наоборот — если уж есть аналог в Европе, то это свидетельство философии самой высокой пробы. Но не таков наш великий Соловьев — теперь он обвиняет Данилевского в отсутствии «научной самобытности» и чуть не в плагиате. В споре все средства хороши.

Изворотливый ум Соловьева подсказал ему новый поворот темы, пополнивший истощившиеся аргументы против книги Данилевского — он стал оспаривать ее оригинальность. Ученые вечно заимствуют что-то друг у друга, развивая и дополняя — таков естественный ход науки. Но это не аргумент для Соловьева: ему же во что бы то ни стало надо победить в споре!

После нелепого обвинения Соловьевым Данилевского в плагиате Страхову, убежденному, что «эти две книги не имеют ничего общего», писать подробное доказательство очевидного не хотелось и он почел бы «великой радостью» «если бы кто взял на себя определить отношение книги Рюккерта к книге Данилевского»⁵⁹. Единственным человеком, который с сочувствием Страхову переживал весь ход спора и мог бы написать такое опровержение, был Розанов, но тот не знал немецкого языка. Так что Страхову пришлось погружаться в книги и вести нудное доказательство на цитатах, что у Рюккерта были только намечены самые общие контуры того грандиозного плана истории, который развернул Данилевский.

Он стал оправдываться, что Данилевский, мол, и не читал вовсе Рюккерта, да и сочетание слов «культурно-исторический тип» немецкий ученый не употребляет. Соловьев накинулся коршуном: читал — не читал, кто теперь разберет?! Взял в библиотеке книгу, о которой прежде, до упоминания о ней Страхова, явно не ведал, и нашел-таки у Рюккерта не только термин, но и «все существенное содержание “России и Европы”»⁶⁰. Соловьев торжествовал: ясное дело — типичный плагиат! В пылу полемики он мимоходом обвинил даже в плагиате у Гегеля и западной науки вообще и самого автора «Борьбы с Западом».

Страхов, удивленный своим просмотром термина у немецкого философа, принялся сравнивать тексты и был поражен: «Подчеркнутых слов <...> нет в тексте Рюккерта; слова эти *вставлены* переводчиком, как будто бы для пояснения текста, но в сущности для того, чтобы придать ему другой смысл»⁶¹. Возмущению добродушного Страхова не было предела: «...взять термин Данилевского и вставить его в самый текст Рюккерта — это переходит всякие границы»⁶². Как ни удивительно, но на это разоблачение «фокуса» почти никто не обратил внимание: Страхова мало кто и читал, а о победах Соловьева гремели все либеральные издания. «Победителем» же в злополучном споре Соловьев только и мог стать по этой ловкости престижидатора. Но кто же судьи?! Конечно, общественное мнение. Розанов писал в 1913 г. в примечаниях к письму Страхова: «Между тем до сих пор многие верят Влад. Соловьеву, будто Данилевский “украл” у Рюккерта его мысли, и “Россия и Европа” есть плагиат с немецкого. Соловьев мог бы понять, что самый ум Данилевского был не компилятивный»⁶³.

⁵⁹ Розанов В. В. Литературные изгнанники. С. 126.

⁶⁰ Соловьев В. С. Сочинения. — М., 1989. — Т. 1. — С. 588.

⁶¹ Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе. — СПб., 1896. — Кн. 3. — С. 212.

⁶² Там же. С. 213.

⁶³ Розанов В. В. Литературные изгнанники. С. 126–127.

У Розанова тогда, кстати, возникла крамольная мысль, что хорошо бы «проверить со справочниками на руках» на предмет компиляции самого Соловьева, но самому ему это, конечно, не по силам. Собственное творчество Соловьева соткано из тысячи разных источников, и если бы тот же Страхов в качестве контрудара захотел бы уличить склонного к эклектизму оппонента в заимствованиях, скажем, у Конта или Гегеля, он без труда бы сделал это. Но благородному Страхову это даже не пришло в голову.

В мире все-таки есть справедливость: нашелся исследователь, который подтвердил мнение Страхова, что сопоставляя тексты Рюккерта и Данилевского, наше философское «все» совершило не совсем нравственный поступок. Много лет спустя тщательный разбор этой темы был сделан американским ученым Р. Е. Мак-Мастером, и вывод его категоричен: ни о каком плагиате речи быть не может. Мак-Мастер, американский автор книги о Данилевском, которого, конечно, в сочувствии философу, которого он считал «тоталитарным»⁶⁴, и тем более русскому «брюшному патриотизму» никак не заподозришь, оказался, не в пример отечественным исследователям, человеком дотошным. Зная немецкий язык, он сверил перевод цитат из Рюккерта со статьей Соловьева и обнаружил, что тот «неожиданно повел себя легкомысленно и для доказательства собственной правоты пошел даже при переводе на русский язык на некоторое “редактирование” текстов Г. Рюккерта, что сильно меняло их смысл»⁶⁵. Таким образом, говоря попросту, Соловьев совершил подлог ради достижения своих «высоких» целей борьбы с теорией культурно-исторических типов, а в более широком плане — с русским национальным самосознанием.

Полемика продолжалась еще некоторое время, но ход ее был уже predetermined. Об ее итогах можно сказать словами Розанова: «... в споре *шум победы* был на стороне Соловьева, а *истина* победы была на стороне Страхова. Но Страхов писал в “Русском Вестнике”, которого никто не читал, а Соловьев — в “Вестнике Европы”, который был у каждого профессора и у каждого чиновника на столе»⁶⁶.

Хотелось бы еще обратить внимание на некоторые соловьевские эпистолярные перлы, относящиеся к Страхову. Так, по поводу кончины консервативного философа П. Е. Астафьева (7 апреля 1893 г.), при жизни резко критиковавшего Соловьева (как, впрочем, и Страхова) и находившего в религиозно-мистических построениях оппонента отчетливое влияние позитивизма, Соловьев написал Н. Я. Гроту такие кощунственные слова: «Мир праху Астафьева! Теперь философия этого рода имеет только двух представителей: Страхова и Розанова — мир и их праху!»⁶⁷ Не говоря о непочтительно-двусмысленном отзыве о покойном, это же и недвусмысленное пожелание смерти *живым людям!*

Выражения Соловьева по поводу его полемики со Страховым не выдерживают никакой критики с нравственной точки зрения. Сообщения о своих «ударах» Страхову, написанные в каком-то шутивно-самодовольном и одновременно панибратском тоне, Соловьев, не стесняясь, рассылал в самые разные адреса, в том числе, например, их «общему приятелю» К. Н. Леонтьеву: «Посылаю Вам, дорогой Константин Николаевич, эти палочные удары по спине (! — В. Ф.) нашего общего приятеля, дабы Вы видели, что

⁶⁴ MacMaster R. E. Danilevsky. A Russian Totalitarian Philosopher.— Cambridge, Mass., 1967.

⁶⁵ MacMaster R. E. The Question of Heinrich Rückert's Influence on Danilevsky // American Slavic and East European Review. Feb. 1955. Pp. 59–66.

⁶⁶ Розанов В. В. Литературные изгнанники. С. 14.

⁶⁷ Письма В. С. Соловьева. Т. I. С. 72.

я в либерализме не педант <...> Брань моя со Страховым кажется еще не закончилась, и я решил оставить последнее слово за собой»⁶⁸.

А 30 июля 1893 г. Соловьев пишет брату об очередной статье против Страхова: «Завтра или послезавтра пошлю тебе обещанную статью из “Вестника Европы” <...> Я возобновил дружеские отношения с Кутузовым, которые были прерваны четыре года тому назад. Примирение же со Страховым я видел только во сне. Когда увижу наяву, то подумаю, не наступил ли мой смертный час»⁶⁹.

Уже в 1895 г. (если нет ошибки в датировке письма), Соловьев шлет своему другу Э. Л. Радлову, будущему издателю его переписки, такое «шутливое» послание: «Пишу некролог (курсив мой.— В. Ф.) Н. Н. Страхова — воображаю — как он теперь удивлен и сконфужен. Вот бранить-то его буду, когда увижу, не отхихикается»⁷⁰. Не совсем ясно, о чем речь, но «некролог» здесь — скорее, образ, шутка в прежнем роде, хотя такой юмор на большого любителя. Любопытно, что одна из мемуаристок считает, что некролог писался Соловьевым после кончины Страхова и приводит эти слова как проявление веры Соловьева в миры иные⁷¹.

Как бы то ни было, некоторое время спустя Соловьев узнал о неизлечимой болезни Страхова и попросил Розанова организовать встречу с ним для примирения. Об этой встрече Розанов писал С. А. Рачинскому в начале 1896 г.: «В пятницу на той неделе, т. е. 5-го января, по убедительной просьбе Соловьева Вл., я упросил Страхова помириться с ним: Соловьев приехал прямо из Царского Села, в 10 ч. вечера ко мне, и Страхов тут же приехал. Соловьев вошел к нему и протянул руку — поцеловал его в голову; 2 часа просидели они, мирно разговаривая.— Страхов ужасно не уважает Соловьева: “Нет ни настоящих мыслей у этого человека, ни настоящих чувств”,— сказал он; и “только для вас я это делаю и без всякого ожидания какого-нибудь толка”,— сказал он мне, когда, получив в четверг телеграмму от Соловьева, я пошел приглашать его. Он убежден, что Соловьев — весь фальшивый...»⁷². Итак, примирение произошло, как ранее Соловьев и писал Толстому, «во имя евангельской заповеди и личного чувства без всякой солидарности во взглядах и стремлениях»⁷³.

Что касается некролога, то Соловьев действительно писал его для мартовского номера «Вестника Европы» в 1896 г., однако так и не закончил. Из содержания некролога, который до недавнего времени оставался неизданным⁷⁴, видно, почему он так и не появился тогда в печати. Сконцентрировав в нем свое внимание на противоречии во взглядах Страхова, отстаивавшего почти одновременно контрастные до непримиримости идеи Данилевского и Толстого, Соловьев, по существу, продолжил полемику с уже отшедшим в мир иной «врагодругом»⁷⁵. Для некролога такой подход был, конечно, неприемлем. Если же упомянутое выше мистическое толкование соловьевского «некролога» действительно относится к данному наброску (в чем есть

⁶⁸ Там же. Т. IV. С. 265.

⁶⁹ Там же. С. 127.

⁷⁰ Там же. Т. I. С. 255.

⁷¹ Ельцова К. М. Сны нездешние // Книга о Владимире Соловьеве.— М., 1991.— С. 139.

⁷² ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 85. № 20. Л. 50.

⁷³ Письма В. С. Соловьева. Т. IV. Прил. С. 258.

⁷⁴ Соловьев В. С. Некролог Н. Н. Страхова. Публ. Н. В. Котрелева // Соловьевские исследования. Период. сб. научных трудов.— Иваново, 2005.— Вып. 11.— С. 158–167.

⁷⁵ Письма В. С. Соловьева. Т. I. С. 130.

большие сомнения), то это не может не вызвать ничего, кроме чувства неловкости за автора — ничего такого, что могло бы «skonфyзить» покойника и тем более заставить его «хихикать», в этом некрологе не наблюдается.

Ф. Э. Шперк как-то заявил Розанову: «Соловьев в высшей степени эстетическая (т. е. в нем все *красиво*) натура, но совершенно не этическая»⁷⁶. Хотелось бы надеяться, что эти заметки убедят кого-нибудь из читателей, что некоторые основания для такого, казалось бы, резкого вывода у критика были.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый Андрей. Владимир Соловьев. Из воспоминаний // Белый Андрей. Арабески.— М., 1911.
2. Данилевский Н. Владимир Соловьев о православии и католицизме // Известия С.-Петербургского Славянского Благотворительного общества.— 1885. Март.
3. Данилевский Николай. Горе победителям.— М., 1998.
4. Ельцова К. М. Сны нездешние // Книга о Владимире Соловьеве.— М., 1991.
5. И. С. Аксаков — Н. Н. Страхов. Переписка.— М.; Оттава. 2007.
6. Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного общества.— 1884. Март.
7. Л. Н. Толстой и С. А. Толстая. Переписка с Н. Н. Страховым.— М.; Оттава, 2000.
8. Письма Владимира Сергеевича Соловьева.— СПб., 1908.— Т. 1.
9. Репин И. Е. Случайные впечатления от Владимира Сергеевича Соловьева // РГБ. Записки отдела рукописей.— М. 2004.— Вып. 52.
10. Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского.— М., 1996.
11. Розанов В. В. Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев.— М., 2001.
12. Розанов В. В. Около народной души.— М., 2002.
13. Соловьев В. С. Некролог Н. Н. Страхова. Публ. Н. В. Котрелева // Соловьевские исследования. Период. сб. научных трудов.— Иваново, 2005.— Вып. 11.— С. 158–167.
14. Соловьев В. С. Соч.: В 2 т.— М., 1989.
15. Стахеев Д. И. Группы и портреты. (Листочки воспоминаний) // Исторический вестник.— 1907.— № 1.
16. Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе.— СПб., 1890.— Кн. 2. Изд. 2-е.
17. Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе.— СПб., 1896.— Кн. 3.
18. Страхов Н. Философский диспут 24 ноября // Гражданин.— 1874.— № 48. 2 дек.— С. 1211–1212.
19. Страхов Н. Н. Философские очерки.— Киев, 1906.
20. Франк С. Л. Русское мировоззрение.— СПб., 1996.
21. MacMaster R. E. The Question of Heinrich Rückert's Influence on Danilevsky // American Slavic and East European Review. Feb. 1955. Pp. 59–66.
22. MacMaster R. E. Danilevsky. A Russian Totalitarian Philosopher.— Cambridge, Mass., 1967.

---

⁷⁶ Розанов В. В. Литературные изгнанники. С. 20.